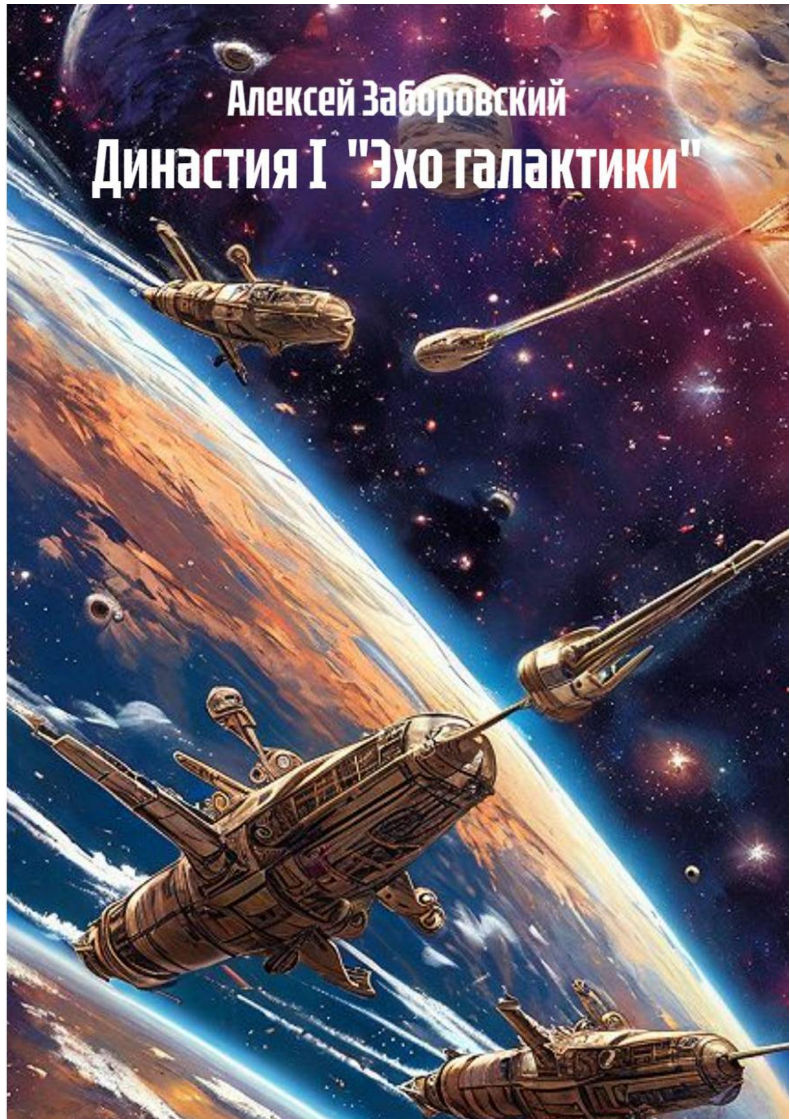

Алексей Заборовский
Династия I "Эхо галактики"

Алексей Заборовский

Династия I "Эхо галактики"

<https://litres.ru/74199577>

SelfPub; 2026

Аннотация

Космос не пуст. Он дышит, помнит и говорит на языке, который люди разучились слышать. Вечные странники, мы стремимся к звёздам — но они не ждут гостей.

Три поколения семьи. Одна тайна. Великая жертва.

Эта книга о покорителях космоса, о кораблях, об инженерной мысли, три поколения семьи, три поколения мечты о покорении дальнего космоса, трагедия, отвага, мечты о звездах

Алексей Заборовский

Династия I "Эхо галактики"

*Звезды показывают нам Величие и красоту
Вселенной, в которой
мы, вечные странники космоса,
стремимся отыскать свою звезду.
Валентин Рычков.*

Часть I. Начало

Пролог.

*Ночь. Кабинет Николая Васильевича. Даниле сейчас
столько же, сколько было Андрею.*

Данила сидел в дедовом кресле — продавленном, с потёртыми подлокотниками. Его пальцы сжимали старый чертёж «Данко». Бумага пожелтела, карандашные линии стёрлись, но он помнил каждую из них.

— Ты знал, что я полечу? — спросил он у фотографии на столе.

Данила провел пальцем по стеклу. Под ним — дед и бабушка Галина, ещё молодые, счастливые. Снимок сделали за

день до свадьбы, давным давно

— Я боюсь, дед. Не за себя. За всех... Но я полечу.

Глава 1. Николай Васильевич

Много лет назад

Маленький Данила не слышал доводов бабушки и продолжал жалобно просить.

— Бабушка отпусти дедушку, мы погуляем немножко и быстренько назад.

— Даня, посмотри в окно, ну куда вы пойдете! Дождь льет не переставая.

— Бабушка!

— Все, Даня, сидим дома! сейчас бабушка настряпает вкусных лепешек и попьем чай. А потом я прочитаю тебе сказку.

— Не хочу сказок — надувшись, сказал внук.

Тут, убрав газету, слово взял дед, Николай Васильевич.

— Галя, ну правда, мы пойдем, погуляем.

— Коля только ты не начинай!

— Галочка ну разве это дождь? так, мелкая шалость неба. Но мы не просто так на улицу, посмотри на подоконник, цветы совсем завяли, ну где это видано, чтобы такая женщина хоть минуту провела без прекрасного запаха свежих цветов.

— Решил меня взять лаской? - На лице Галины Юрьевны, расплылась смущенная улыбка.

— Ну, что ты, Галочка, я просто сказал правду.

— Посмотри Даня на этого прохвоста! Ладно, черт с вами, идите все равно будете только отвлекать своим нытьем. Ты, Коля, только обязательно возьми зонтик, и плащ надень. — Николай Васильевич кивнул головой. Затем обратился к внуку:

— Что сидишь, Данька побежали одеваться, пока бабушка не передумала.

— Ура!

Через десять минут дед и внук спускались на лифте: высокий, пожилой, но еще привлекательный мужчина в графитовом двубортном плаще и серой драповой кепке и мальчик лет пяти в лимонного цвета куртке и желтых резиновых сапогах. Николай Васильевич точно знал, куда они направляются — маленький Даня всегда выбирал одно и то же место — аллею Космонавтов. Да и сам Николай Васильевич любил прогуляться вдоль бронзовых скульптур покорителей космоса.

Аллея Космонавтов — мемориальная пешеходная улица, расположенная вдоль проспекта Мира у метро "ВДНХ". Она также является центральной частью Космопарка. Еще каких-то двадцать лет назад парк представлял собой — небольшое озеленённое пространство, где кроме скульптур героев прошлого и смотреть-то было не на что. Но уже в 2040 году началась новая волна освоения космоса, и аллея обросла новыми именами и героями.

Даня носился по аллее, а Николай Васильевич мирно наблюдал. Он был счастлив. Здесь, дома, среди друзей и родных.

Дождь прекратился, и выглянуло теплое осеннее солнце. Лужи превратились в парящие оазисы, над асфальтом расплылся приятный глазу пар. Даня радостно прыгал по лужам, и каждый раз звонко смеялся, когда после очередного приземления брызги разлетаясь во все стороны.

Он подбежал к бабушке и воскликнул:

— Бабушка, пойдем, посмотрим на тебя!

Николай Васильевич замахал руками, показывая всем видом, что ему и здесь хорошо.

— ну, пошли! — внук вцепился в большую морщинистую ладонь и потащил за собой деда. Сопrotивляться детскому напору было трудно.

Через пять минут они остановились у памятника. На табличке красовалась надпись:

«Гаврилов Николай Васильевич — главный конструктор лунного лифта», «Корабль Данко»

— А ты, правда, построил лунный лифт?

Даня каждый раз задавал этот вопрос, а Николай Васильевич каждый раз немного смущался. Он поправил кепку и ответил:

— Правда. Только не построил, а спроектировал и курировал проект. Построили же его тысячи строителей, инженеров и монтажников со всего мира.

— Ну, ты же был главным?

— Что ты, конечно нет! Главным был руководитель Роскосмоса Евгений Вадимович Штельман.

— А где его памятник?

Николай Васильевич посмотрел по сторонам. Затем указал на третий справа в левом ряду.

— Вот.

Даня подбежал к нужному бюсту, и деловито начал его рассматривать. Николай Васильевич же пристально смотрел на свой памятник. Ему всегда казалось, что он совсем не похож на себя. Хотя все вокруг твердили обратное. Он хорошо помнил день открытия монумента. На него снова накатила волна смущения. Он никогда не любил всеобщего внимания. Даже не хотел принимать подаренную государством за научные достижения шикарную пятикомнатную квартиру, но Галина Юрьевна настояла.

Она всегда была его музой, женщиной, ради которой он готов на все, даже перебороть свою застенчивость и гордость. Конечно, честно признаться, именно он и был настоящим двигателем, сердцем постройки лунного лифта. Проект, который предопределил невероятные перспективы будущих открытий.

— Эх, как молоды мы были!

Николай Васильевич сказал это без всякого сожаления. Он прожил счастливую жизнь с любимой работой и един-

ственной женщиной. У него замечательные дети и внуки. Сын — начальник лаборатории в Ростове, а дочка — заведующая детским садом «Звездный» в Подмоскowie. Но в его душе была едва заметная печаль от мысли, как много он еще не сделал. Николай Васильевич надеялся, что его последняя космическая станция еще не спроектирована и не построена. А однажды раздастся тот самый телефонный звонок с предложением вернуться в институт. Его собственный памятник, смотрящий ему прямо в глаза, всегда будоражил тайные мысли, поэтому он не любил эту часть парка. Из задумчивости его вывела громкая трель велосипедного звонка. Он оглянулся по сторонам — внука нигде не было.

— Данил! — негромко крикнул старик, затем уже громче снова повторил — Данил!

Николай Васильевич и заторопился к соседней дорожке. “Вот я, старый, совсем замечтался. Галя меня убьет”, — подумал он. Даня стоял за поворотом и смотрел вверх.

— Сто раз тебе говорил: не убегай от меня! Дедушка уже старый, и ему не угнаться за тобой.

Даня повернулся и, опустив глаза, сказал:

— Прости дедушка. Только бабушке не говори.

— Хорошо, — уже с улыбкой произнес Николай Васильевич. — Что ты такого интересного нашел?

Даня указал на большой памятник. Три величественные, улыбающиеся фигуры стояли вокруг сидевшего на стуле по-

жилого мужчину. Памятник был огорожен сигнальной лентой. Рядом лежала аккуратно сложенная стопка брусчатки и торчала табличка.

«Открытие памятника 18 сентября»

Николай Васильевич удивился. До открытия осталась неделя, а ему даже не позвонили. Неужели о нем все уже забыли? Хотя это, наверное, нормально. В мире полно новых героев, под лучами которых меркнут старые.

— Ты знаешь, кто это?

— Конечно! Это отец и братья Вороновы.

— Лично знаешь?

— Это Олег Иванович мой бывший коллега, известный ученый, автор теории Гальвановых цепей. Он изобрел новый вид космического топлива, на котором летают все современные корабли. А еще, он руководит самыми важными полетами в истории человечества. А это его три сына: Андрей, Никита и Магомед. Все космонавты. Замечательные ребята. Какой все же красивый памятник.

— Дедушка, они все погибли? Бабушка часто говорит, космос заставлял ее только плакать.

— Ерунда! Космос, если и заставляет плакать, то только от радости. А что касается Вороновых, то Олег Иванович живой и так же, как и я нянчится с любимыми внуками, — Николай Васильевич защекотал внука, от чего Даня звонко рассмеялся. — Наверняка через неделю мы его тут увидим. Ты

же хочешь прийти на открытие?

— Хочу, хочу – заверещал малыш. Старик заулыбался и продолжил.

— Никита Олегович работает в центре подготовки космонавтов, Магомед сейчас в космосе, а Андрей ... он тоже в космосе.

Даня продолжал смотреть на величественные бронзовые обелиски. Последние капли дождя медленно испарялись с бронзовых фигур, отчего весь памятник становился светло-серым с красным оттенком. Даня повернулся к дедушке и улыбнулся.

— Я присяду, что-то устал немного. – Николай Васильевич присел на скамейку и задумался.

— Расскажи о них, — Даня присел рядом с дедом и снова посмотрел на памятник.

История

Человечество на пороге самых великих открытий. Как мы сюда пришли? Предлагаю вспомнить хронологию космических шагов:

2035 г – Начало строительства космического лунного лифта.

2041 г – Первый подъем человека на луну.

2052 г – Падение метеорита Голиаф на обратную сторону луны.

2053 г – Открытие элемента Вороний (Vr3)

2058 г – Создание первой Марсианской колонии.

2064 г – Запуск миссии Гефест, полет за пределы солнечной системы.

2064 г – Запуск миссии Надежда, прорыв блокады.

Отрывок статьи

Иванова П.С.

Глава 2. Андрей

Андрей был средним братом. Он собирался войти в состав миссии Гефест, но небольшое происшествие во время езды на мотоцикле изменило планы. Его место занял младший брат, Магомед. Первое время Андрей очень переживал, что его мечта о полетах в неизведанные части вселенной отложена из-за такой глупости, как перелом руки. Он не задавал вопросов, зачем тогда так быстро ехал. На кону стояла человеческая жизнь.

После того, как рука срослась, Он продолжил подготовку в звездном городке, день, за днем оттачивая свои навыки. Андрей, несмотря на юный возраст, был самым опытным летчиком-космонавтом из всего состава. За его плечами было семь космических полетов. И это не просто прогулки на околоземной орбите, которые сейчас предоставляют десятки частных и государственных компаний, а настоящие путешествия на миллионы километров.

Время шло, миссия Гефест достигла Урана. Весь мир с за-

миранием сердца следил за полетом и ждал момента встречи человека с новой галактикой.

В 2062 году произошло событие, которое многое изменило. Как сейчас помню. Я тогда работал в городке над чертежами новой станции. В семь часов вечера раздался звонок. Все космические службы были приведены в полную готовность. Такое уже случалось раньше, когда приближался метеорит Голиаф. Тогда промелькнула мысль: неужели опять? Но в этот раз все оказалось куда интересней.

Представляешь, всего за пять часов в солнечной системе, словно из ниоткуда возникли тысячи, если не миллионы астероидов. Они с большой скоростью двигались к Земле. Мы готовились к худшему. Такую атаку человек бы не пережил, но возле Марса они начали резко замедляться, а потом выстроились, словно под действием магнитного поля в аккуратную сферу вокруг красной планеты. Марс оказался в плотной блокаде. Мы тогда все выдохнули, но понимали, насколько же мы уязвимы.

Сотни ученых пытались узнать, откуда появились и зачем встали в таком порядке миллионы космических камней, но так и не смогли. Прорыв произошел позже, а в тот момент мы только придумали название этому явлению - «Скорлупа». Еще мы знали, что если не пробьем ее, то тысячи жителей Марсианской колонии умрут в течение десяти лет. Да, военные пытались с помощью оружия решить вопрос, но лишь вносили больше хаоса.

Отправляемые космические зонды были уничтожены непредсказуемыми движениями астероидов. Но прорыв все же случился. Олег Иванович Воронов и Степанов Вениамин Владимирович при анализе данных взрывов наших зондов заметили, что отдельные элементы «Скорлупы» реагируют на возникшее после удара магнитное поле. Самые мелкие астероиды выстраивались в новом порядке вокруг ядра взрыва.

В наше бюро поступили данные на основе детального анализа и техническое задание на проектирование, и постройку нового и уникального корабля.

Он получил имя «Данко» - первый в мире корабль прокладчик магнитных туннелей. Мы справились за три года. Это очень быстро. Несмотря на внушительный размер корабля, экипаж состоял всего из одного пилота. Мы не до конца понимали, с чем нам предстоит столкнуться, и поэтому постарались поместить в корпус максимум вспомогательных систем. Сотни инновации тысячи человеко-часов воплотились в блестящем корпусе.

Человечество ждала новая миссия. Мы могли столкнуться с невероятными событиями и очень опасными приключениями. На Земле находился только один пилот, обладающий колоссальным опытом.

Помню, хотел позвонить Андрею и сообщить важную новость. Олег Иванович остановил меня сказав, что сделает это сам. Он взял трубку и набрал номер.

— Андрей?

— Так точно! — бодро раздалось на другом конце трубки.

— Ты где?

— На даче. Обещал маме снег убрать.

— Бросай лопату.

— Что случилось, Олег Иванович?

Он часто называл отца по имени отчеству, привычка сложившейся за долгие годы службы.

— Готовится спасательная миссия на Марс. Ты пилот.

— Я пилот?

— Собирай вещи. С завтрашнего дня подготовка. Первый этап пройдет на Урале.

— Заскочу домой и пулей в центр.

— Не вздумай! Жди меня. Сейчас за тобой приеду. На счет вещей позвони Марине, я отправлю машину. Ты понял?

— Так точно... спасибо, папа.

Через час правительственный Аурус мчался вдоль леса по двадцать четвертому шоссе. Внутри четверо: водитель Семен, руководитель полета Воронов Олег Иванович, космонавт Воронов Андрей Олегович и главный конструктор проекта - Герасимов Николай Васильевич. Олег Иванович без конца звонил по телефону и о чем-то договаривался. Через тридцать минут в машине стало тихо.

— Все дела решили? — Андрей не скрывал легкой издевки.

— Представь себе.

— Может, теперь, введете в курс дела. Отчего такая срочность?

— Андрей про Марс ты знаешь. Тут нового ничего не скажу.

— Коля, позволь я продолжу, — Воронов старший отличался крутым нравом и не любил рассусоливать.

— Андрей, ты пилот. На Марсе совсем плохо. Если не принять срочные меры, погибнет несколько тысяч человек. В бюро разработали корабль «Данко». Тебе его нужно освоить не за год, как планировалось, а за шесть месяцев. Отсюда и срочность. Каждый день на вес золота. Системы сырые. Но выбора у нас нет. Все, с чем ты столкнешься в космосе — на уровне гипотез. У нас нет возможности провести длительные испытания. Заключительный космический этап займет не более двадцати дней. И к этому времени нужно успеть выявить и исправить все ошибки и недочеты...

Николай Васильевич не удержался и вклинился в разговор.

— Понимаешь, Андрей, мы только в прошлом месяце сделали прорыв и смогли запустить катушку магнитного туннеля. — Конструктор словно оправдывался.

— Коля, прекрати! Андрей офицер и понимает всю серьезность ситуации. Для того его и позвали. Мы вместе поднимем корабль и выполним миссию. Верно, я говорю?

— Так точно! — Громко выпалил Андрей.

— Видишь, Коля.

— Я не сомневался в твоём сыне. Но пойми, и ты меня. Я сам до конца не уверен в своём корабле.

— Зато мы с Андреем уверены. Твои «дети» нас никогда не подводили. Посмотри на меня, я готов доверить жизнь своего сына. Вместе мы справимся. По-другому просто не может быть. — Олег Иванович мягко улыбнулся своему старому соратнику.

— Ну, если такие люди так говорят, то чего мне тогда переживать. — В салоне раздался неискренний смех.

Через час приехали в Звездный городок. Кругом темнел густой сосновый бор. На территории комплекса было все необходимое для подготовки космонавтов: виртуальные тренажеры, бассейн для невесомости, аэродром, парашютная база с аэротрубой, и др. Среди множества крупных и мелких зданий, выделялся огромный ангар, в нем происходила имитация в натуральную величину. Андрей провел тысячи часов в нем перед первым полетом на Юпитер. Возле здания выстроились в ряд летчики из нового набора.

— Нет, Андрей нам не туда, сначала теория. — Он не очень любил заниматься в классе, но это час его работы.

— Так точно Николай Васильевич, — недовольно прошептал Андрей.

Первый месяц Андрей практический не выходил из учебных классов. Тонны теории, прежде всего о новом поясе астероидов. Да, информация пестрила белыми пятнами, но

это было лучше, чем ничего.

Во второй месяц изучали корабль на натуральных макетах, так как сам корабль на Урале проходил последние настройки систем. Моделирование принципа работы туннельной катушки. Симулятор прокладки пути. Затем снова учеба за партой. План миссии он знал наизусть. Вылет четырнадцатого мая, полет до Марса пять месяцев, затем проход спасительного туннеля, и сразу обратно, потом спуск по-старинке в посадочной капсуле с парашютом, и он дома, обнимает любимую жену и дочку. На словах все звучит достаточно просто. Правда есть одно, но - мы почти ничего не знаем о «Скорлупе».

На третий месяц подготовку, наконец, перенесли в Уральский испытательный центр, и Андрей смог познакомиться с кораблем. Олег Иванович остался в Москве улаживать какие-то дела. Я же ждал Андрея на месте. Помню, как сейчас: вторник, к центру подъехал сливающийся со снегом белый Аурус. Андрей выбрался из машины. На нем было нелепое зимнее пальто и шапка ушанка. Он подошел ко мне и с искрящейся улыбкой сказал.

— Ну, здравствуй, Николай Васильевич! Показывай аппарат, не терпится увидеть своего друга.

Мы крепко пожали руки и направились напрямик в огромный ангар. Посреди просторного эллинга стоял первый и единственный прокладчик магнитных туннелей высокой плотности. Пятидесятиметровый корабль серебристо-чер-

ного цвета. В передней части прямо под кабиной пилота располагались два отсека: первый боевой, второй с грузозахватным механизмом. Крышки отсеков немного выступали за корпус, образуя гармоничные скулы, которые предавали кораблю хищную внешность. В центре под стеклянным продольным куполом расположились системы связи и контроля. Далее корпус плавно утолщался и в конце переходил в широкое прямоугольное сопло с округлыми углами. В самом широком месте располагался блок туннельного генератора и двигатель. Андрей видел много космических кораблей, но такой впервые. Он даже присвистнул от восторга:

— Какой же, «Данко», ты красавец! Николай Васильевич, это фантастика. Если он летает так же, как выглядит, то я самый счастливый человек во вселенной.

— Надеюсь, «Данко» нас не разочарует. У него нет права на ошибку.

— Это да. Когда приступаем? Я готов.

— Весь в отца, такой же нетерпеливый. Сегодня инженеры закончат настройку гидравлических систем, завтра с утра начнем. А сейчас иди в жилой блок, на вахте возьми ключи от комнаты. Ты живешь в пятой, твой дублер в седьмой. И не вздумайте сегодня брататься. Постарайся выспаться и отдохнуть. Легкие деньки закончились, начинается настоящая работа.

— А кто дублер? — спросил Андрей.

— Симаков.

— Мишка! Хороший выбор, Николай Васильевич.

— Ладно, шагай, у меня работы много.

Андрей отдал честь и широкой походкой пошел к выходу. Дорога до общежития заняла не более пяти минут. Вахтерша улыбнулась, протянула ключ и дружелюбно поприветствовала еще одного космонавта. За столько лет через ее общежитие прошел не один десяток героев. Комната была стандартная, как две капли воды похожая на те, в которых ему приходилось жить все эти года: кровать у стены, письменный стол, стул, небольшой шкаф в углу. Андрей достал из сумки блокнот, завалился на кровать, и начал дополнять записи, которые вел с первого дня подготовки.

Звездный дневник

Хотя пока Земной.

Мне прилетит от такого художественного заполнения!

Раздался тихий стук.

— Войдите.

Дверь скрипнула, и на пороге появился Симаков Михаил. Он держал бутылку молока и плитку горького шоколада.

— Мишка! — радостно крикнул Андрей и вскочил с кровати.

— Андрюха, здорово! Как узнал, что работаем вместе, сразу подготовился. Ну что, отметим?

— Давай!

Андрей достал два больших коньячных бокала и разлил

в них молоко.

— Ой, и прилетит нам, — со смехом произнес Андрей.

— Да, ладно, Николай Васильевич нормальный мужик.

— Мишка, что знаешь про миссию?

— Все просто. Летишь и пробиваешь туннель. Завершаем подготовку, ты на корабль и в путь, я продолжаю учебу на «Данко-2» и жду на низком старте. Но надеюсь, что мне не дадут команду «На старт».

— Я тоже!

Оба понимали, что успех одного означает провал другого. Но если у Андрея все получится, то Миша искренне порадует за товарища. Это будет означать одно - миссия завершилась успехом.

— Пойду я. Ты с дороги. А завтра очень тяжелый день.

Уже стоя в дверях, Миша оглянулся и спросил:

— Как тебе корабль?

— Красавец.

— И не говори. Скорей бы оседлать! Ладно, отдыхай.

Андрей кивнул ему в след.

После плотного завтрака направились в Ангар. Перед кораблем прошли краткий инструктаж. Куратором подготовки назначили майора Фомина. Он был жестким, но справедливым и не давал нам спуска ни на секунду. Первый день мы с Мишкой облазали весь корабль вдоль и поперек. Продолжали учить теорию, но уже не на макетах, а на корабле. Уже не терпится проверить его в деле. После шести вечера вер-

нулись в класс, и Николай Васильевич рассказал всю известную информацию о «Скорлупе». Потом снова на корабль и снова за дело.

Новое утро. Запуск систем корабля на холостых значениях. Предварительный запуск двигателя, прошел в штатном режиме. Проверили работу катушки туннеля, при включении корабль сильно трясло, мы едва удержались в кресле, раздались металлические звуки. После окончания теста, подошел Николай Васильевич и сказал, что, судя по всему, необходима проверка и настройка катушки, так что завтра техники оккупируют корабль. А у нас намечается еще один день теории.

Как же мы обрадовались, когда узнали, что техники работали всю ночь и корабль снова готов к работе! Сегодня снова тест катушки, только уже с прокладкой туннеля. Для этого корабль погрузили в бассейн, в котором плавали небольшие металлические шарики. Их было очень много.

— Андрей, запускайте катушку.

— Так точно.

Раздался гул. Катушка нехотя запустилась. На экране компьютера замигал индикатор готовности.

— Запуск.

Звездный дневник

По корпусу пробежала жесткая вибрация, затем раздался хлопок, после чего катушка перешла в стабильный режим работы. На экране возникла 3D модель бассейна. Ша-

ры выстроились в единый порядок, образовав туннель. Николай Васильевич радостно тараторил в радиосвязь. Я так же был счастлив. Главная система корабля в полном порядке и работает ровно так, как и планировалась.

В следующую неделю испытали гидравлические захваты, день за днем передвигали огромные валуны, аккуратно укладывая их в виде геометрических фигур. Мне легко давалась работа с новым кораблем. Желание полететь давали мотивацию. А спасательный характер миссии только усиливал всю серьезность происходящего.

Спустя два месяца непрерывной подготовки я с закрытыми глазами мог с помощью захватов сложить фигуру любой сложности.

Вечером в четверг прилетел отец, нас собрали в небольшом кабинете и сообщили, что пуск назначен на воскресенье. Космический этап подготовки на околоземной орбите отменяется. Нужно ускоряться. Наконец-то ожидание закончилось. Впереди космос.

Перед сном в комнату зашел отец.

— Как себя чувствуешь Андрей?

— Рад, что возвращаюсь в космос. Жаль, что при таких обстоятельствах, но, с другой стороны, какая разница.

— Николай Васильевич говорит, ты готов.

— С такой-то подготовкой, — в голосе Андрея чувствовалась расслабленность. Для Олега Ивановича это было по-

казателем, что сын абсолютно готов.

— Андрей, напиши письмо Марине.

— Папа я знаю, правила. — Он встал, подошел к тумбочке и достал зеленый конверт и передал его отцу. Олег Иванович с тяжелым сердцем взял его и убрал во внутренний карман.

— Надеюсь, не понадобится.

— Как дела у Никиты и Магомеда?

— Летят, — речь его снова стала суровой. Вечные качели между отцом и руководителем полетов. — Ладно, Андрей отдыхай.

В ночь перед полетом почти не сомкнул глаз. Это для меня нормальное явление. Раннее утро, автобус медленно подкатил к стартовому столу. Садясь в корабль, чувствовал напряжение окружающих. Для меня же вывод корабля на орбиту - рутина. Обратный отсчет и через несколько минут я в открытом космосе.

— «Данко», как слышите?

— Земля, слышу тебя хорошо. Системы корабля работают в штатном режиме, тяга двигателя в норме. Погода за бортом в порядке пейзаж за окном вполне соответствует описанию.

— «Данко», хватит дурачиться.

— Так точно!

— Удачи, Андрей.

— Спасибо. Лег на заданную траекторию. Включаю формаж.

— Следующий сеанс связи через пять дней.

Звездный дневник

Третий месяц полета. За окнами приятная мгла, вокруг проплывают сотни космических объектов: в основном это мелкий мусор, но попадаются даже небольшие астероиды.

Люблю дальний космос, тут ты один и чувствуешь свою профессию. Хотя, если разобраться, какой это дальний космос. То ли дело места, где сейчас летают Никита и Магомед.

Но все равно лучшие трассы Земля – Луна, которая по космическим меркам буквально забита частными туристическими кораблями, от чего кажется не космической, а обычной городской магистралью.

Еще год назад трассу Земля – Марс бороздили тяжелые грузовые корабли, конечно, их было немного — один, два за полный оборот Земли вокруг Солнца. Сейчас же это совсем пустой маршрут.

Каждые пять дней видео связь с центром. Отец добился разрешения, и раз в месяц жена с дочками приезжали в звездный городок, чтобы повидаться со мной.

«Данко» за эти месяцы показал себя молодцом, все работает как часы. Вопрос, что будет дальше.

Четвертый месяц. До конечной точки маршрута несколько часов. Связь с центром в круглосуточном режиме. В двух днях от меня летит корабль технической поддержки, на случай поломок основного оборудования.

— Андрей, как себя чувствуешь? Судя по датчикам, у те-

бя высокая температура.

— Все в порядке. Волнуюсь просто немного. Не каждый день приходится встречаться с подобным.

— Визуальный контакт через две минуты.

— Центр, есть визуальный контакт. Как видно?

— Видимость хорошая, Данко.

—Начинаю подлет.

Андрей перешел в ручной режим и медленно направился к поясу. По расчетам компьютера он двигался к наименее плотному участку «Скорлупы». На расстоянии двух километров корабль начало трясти, вибрация захватила весь корпус. Андрей включил дополнительный стабилизатор, и корабль медленно вышел в состояние покоя. Астероиды «Скорлупы» не двигались.

— Я на позиции, готов к проходу. Запускаю катушку.

— Приняли.

Андрей включил катушку и носовой магнитный бур. Небольшое движение корабля, и астероиды начали медленно выстраиваться в овальную форму, образуя полость туннеля. Проходя через скорлупу, корабль оставлял за собой плотный магнитный закрепитель синего цвета, через который не могли пройти астероиды.

— Андрей, сбавь ход, не спеши.

— Центр, кажется у нас проблема.

Прямо по курсу возник внушительный астероид, который совершенно не хотел вписываться в конструкцию туннеля.

Здесь пригодился гидравлический захват. Андрей аккуратно ухватил астероид и медленно убрал с дороги. Проблема корабля в том, что туннель можно проложить только прямо. Все дело в магнитном закрепителе: при больших углах поворота нарушается его целостность и теряется непроницаемость. Общая длина туннеля почти пятьсот километров. При существующей скорости должен уложиться за двадцать пять часов. С каждым часом туннель становился все темнее, плотность поля увеличивалась, а большие астероиды стали попадаться все чаще. Скорость упала до пяти километров в час. За проходом наблюдали с Земли, десятки людей в центре с замиранием сердца следили за каждым метром пути. Движение медленное, но стабильное. В голове Андрея промелькнула мысль, что все идет слишком гладко, но он сразу отогнал ее подальше. На сто двадцатом километре за очередным «камнем» прямо перед кораблем возникла тонкая зеленая линия. Андрей едва успел остановиться.

— Центр, вы видите?

В центре поднялась суматоха. Открывали старые отчеты и пытались найти хоть какое-то упоминание. Но отчеты были «чистыми».

— Дальнейшие действия?

— Андрей, нам нужно время.

Через десять минут тишины полоса света начала медленное движение в сторону корабля, оставляя за собой яркий фантомный след.

— Центр, она движется. Увожу корабль назад. — Он резко дернул ручку, корабль медленно пополз задом. Но линия была слишком быстрой, через секунду она достигла носового обтекателя, при соприкосновении по кораблю пробежал разряд тока, корпус слегка завибрировал.

— Что случилось?

— Все в порядке, — он не успел договорить, как где-то в глубине скорлупы вспыхнул свет.

— Астероиды пришли в движение. Осторожней! Продолжай уводить корабль.

В центре на большом экране было видно, как кораблю приближаются сотни мелких объектов. На экране корабля началась цветомузыка, сработала сигнализация, предупреждающая о столкновении. Мгновение, и корабль осыпало градом мелкого мусора. Связь пропала. На экране возле схемы корабля, в красном квадрате мелькали десятки аварийных сигналов. Техник приглушенно называл отказавшие системы. На тепловом экране в «Скорлупе» начали движение сотни длинных линий, хаотично пересекающих астероидное поле. Датчики показывали, что пилот жив. Связь наладилась. На экране возник Андрей.

— Андрей, ты как?

— Живой. Что не скажешь о корабле. Десятки пробоин. Что это было?

— Кажется, запустилась система безопасности. Мы этого

не ожидали. Что касается корабля, датчики барахлят, мы не понимаем состояние систем.

— Я тоже, — Андрей не сказал, что минуту назад едва не погиб. При ударе его швырнуло на стену. Датчик состояния организма был срезан с его скафандра, да и сам скафандр пробит в нескольких местах. Корпус корабля превратился местами в настоящий дуршлаг. Некоторые системы корабля работали на шестьдесят процентов, а некоторые вовсе отказали. Андрей понимал, что сейчас на Земле суется и пытаются понять, что делать. Но они в миллионе километров, а он тут и от его решения сейчас зависит успех. За месяцы подготовки он изучил корабль лучше инженеров и в его голове созрел план. Он залез в компьютер и попытался провести новую привязку систем.

— «Данко», как слышите?

— Хорошо.

— Андрей, к тебе приближаются лучи. Но скорость маленькая, успеешь уйти. Анализ атаки показал, что стенки туннеля устойчивы даже при попадании такого объема частиц. План следующий: произведи заглушку прохода и отправляйся на орбиту. Ремонтный корабль почти на месте, проведем наладку систем и продолжим проход.

В центре не знали, что носовой двигатель совершенно вышел из строя, а боковые сорвало. Двигаться корабль мог только вперед. Один маневренный двигатель живой, но раз-

вернуть корабль в таком пространстве просто невозможно. Еще туннель при таком маневре потеряет целостность, и вся работа пойдет коту под хвост.

— Андрей!

— Мне нужно подумать. Николай Васильевич, носовой двигатель не функционирует. Вы можете дать полный доступ к системам? У меня есть план. Я перенаправлю всю энергию на катушку и двигатель. Генератор ТК использую как источник энергии и передатчик для магнитной основы туннеля. Переведу все на носовую часть. Гидравлический захват умер, его функции заменят ракеты, расчищу ими дорогу. Я проверил, они не пострадали. Стенки туннеля устойчивы, послужат хорошим щитом.

— Андрей, это очень опасно! Если всю энергию передать на ТК, часть систем отключится, включая связь и регенерацию атмосферы. У тебя будет мало времени. Шанс, что все сработает, очень мал. Дождись транспорт.

— Николай Васильевич, вы меня выбрали и для принятия трудных решений. Так вот, это одно из них. Посмотрите на экран, через несколько минут система защиты меня достанет. Я же хочу выполнить свою миссию, и поверьте, мой план — это единственный шанс. Прошу связь с руководителем полета. Олег Иванович, я подготовил алгоритмы, нужен только код. Прошу дать разрешение.

Олег Иванович не колебался. Он твердо произнес:

— Разрешение даю. Разблокируйте систему.

— Спасибо.

Николаю Васильевичу только осталось подчиниться, он отправил код:

— Олег, после того, как он запустит алгоритм, у нас будет несколько секунд до отключения связи. Если тебе есть, что сказать.

На связь вышел Андрей он тяжело дышал, все лицо его было в крови.

— Папа, поцелуй за меня девочек. Передай, я их очень люблю. И тебя очень люблю... Конец связи.

Олег Иванович отвернулся и с усилием потер глаза. В центре все замерло. Тишина. Все ждали. После запуска алгоритма началась переналадка систем. Через полторы минуты точка на экране задвигалась. Сначала медленно, потом все быстрее. От точки отрывались точки меньшего размера – это были ракеты. Система защиты «Скорлупы» посылала все новые волны астероидной шрапнели. Но корабль продолжал движение.

Щит едва выдерживал. Каждое попадание шрапнели с большим трудом давалось кораблю. Одной рукой Андрей давил ручку набора скорости, другой зажимал рану живота. Из-под ладони струилась кровь, она тут же собиралась в капли и поднималась, в верх, словно маленькие воздушные шарики. Андрей вспомнил детство, когда они всей семьей ходили на фестиваль мыльных пузырей....

Скорость все росла 100 км...200 км...300 км...

Он пробил туннель. В центре стояла гробовая тишина.....

....Он пробил туннель.

«Данко» вылетел из «Скорлупы» как пуля — искореженный, пробитый, но живой. Астероиды расступились в последний момент, словно нехотя признавая поражение. Магнитный коридор сиял за кормой, удерживая стену смерти от Марса.

Андрей отключил автопилот. Перевёл корабль в ручной режим.

— Центр, — сказал он в тишину. — Я сделал это. Туннель открыт. Марс спасён.

Молчание. Связь оборвалась ещё там, внутри, когда вторая волна осколков пробила антенну. Но Андрей знал — его слышат. Не голосом — сердцем.

— Папа, — добавил он тише, — скажи Марине... я люблю её. Скажи девочкам... папа вернётся. Не скоро. Но вернётся.

Андрей улыбнулся. Кровь текла по лицу, заливая глаза, но он не вытирал её.

«Данко» вышел на круговую орбиту.

Андрей выбрал место между Марсом и его маленьким, холодным спутником — Фобосом. Здесь, в тишине, никто не помешает.

Он осмотрел корабль. Датчики показывали ноль по всем

параметрам. Двигатели мертвы. Генератор — грудa оплавленного металла. Система жизнеобеспечения работала на резервных батареях — ещё часа два, не больше. Марс молчал.

— Хватит, — сказал он вслух. — Два часа — это вечность.

Он отстегнул ремни и поплыл к кабине. Невесомость была ласковой — она держала его, как мать держит ребёнка, не давая упасть.

Сев в кресло пилота, он достал блокнот.

Тот самый — в чёрной клеёнчатой обложке. «Звёздный дневник». Открыл на последней странице. Ручка писала плохо — чернила замёрзли. Андрей улыбнулся и отложил блокнот. Слова были не нужны. Всё главное он уже сказал.

Он посмотрел в иллюминатор.

Внизу, в сотнях тысяч километров, лежал Марс — красный, пустынный, но живой. Там, в колониях, ждали люди.

— Красиво, — прошептал Андрей. — Как на картинах.

Перевёл взгляд выше. Звёзды горели ровно, спокойно, равнодушно. Они видели столько смертей, что одна человеческая жизнь ничего не значила. И всё же Андрей чувствовал — они смотрят на него. Именно на него.

— Я сделал всё, что мог, — сказал он звёздам. — Не судите строго.

Звёзды молчали. Но он знал — что они его слышали.

Боль уходила.

Сначала она была острой, нестерпимой — рваная рана

в животе, сломанные рёбра, перебитая ключица. Но теперь боль превратилась в ровное, глухое тепло, которое разливалось по телу, усыпляя, убаюкивая, унося прочь.

Андрей закрыл глаза. Перед внутренним взором встали лица.

Мари́на — в день свадьбы, в белом платье, смеющаяся. Катя — пятилетняя, с бантиками, которая назвала его «дядей Андрюшей». Никита — серьёзный, ответственный, вечно поправляющий очки. Магомед — огромный, добрый, готовый заслонить собой от любой беды.

Отец. Олег Иванович. Жёсткий, нестигаемый, но такой родной.

— Прости, папа, — прошептал Андрей. — Не смог.

Слеза скатилась по щеке, превратилась в шарик и поплыла в невесомости, отражая свет далёких звёзд.

Через час резервные батареи иссякли.

Погасло всё — только аварийное освещение, тусклое, красноватое, как закат на чужой планете.

Андрей не заметил этого. Он уже был далеко — там, где нет ни боли, ни страха, ни одиночества. Там, где Мари́на ждёт его, где дочки бегают по траве, где отец улыбается и говорит: «Молодец, сынок. Я горжусь тобой».

Он уходил легко, как будто не умирал, а просто засыпал после долгого, трудного дня.

Рука его безвольно свесилась с подлокотника. Лицо — спокойное, без морщин, без напряжения — казалось моло-

дым. Моложе, чем на фотографиях. Губы чуть приоткрыты — словно хотел что-то сказать, но передумал.

Андрей умер с улыбкой.

«Данко» остался на орбите — разбитый, пробитый, мёртвый. Он дрейфовал между Марсом и Фобосом, как памятник сам себе. Его корпус был покрыт вмятинами и пробоинами, из которых медленно вытекали остатки топлива, замерзая в космическом холоде.

Внутри, в кабине пилота, пристёгнутый к креслу, лежал Андрей.

Спал и только кровь — замёрзшая, бордовая — запеклась на виске и на груди. Но лицо... лицо было счастливым.

Герой нашёл свою звезду. Не ту, которую искал — другую. Ту, что внутри. Ту, что называется долгом.

— Прощай, сынок. Мы ещё встретимся.

Дом Вороновых. Кухня. Утро.

Марина сидела на стуле, обхватив колени руками. Ей тридцать два. Она вдова.

— Хотите чаю? — спросил кто-то.

Но ей не до этого, в голове только одна мысль, одно обещание Андрея.

«Я вернусь, Мариш. Ты же меня знаешь. Я — везучий».

Слёзы кончились ещё несколько дней назад.

В дверях появился Олег Иванович. Он выглядел старым — старше, чем вчера. Намного.

— Марина, похороны завтра.

— Я знаю.

— Ты приедешь?

— Конечно.

Она посмотрела на свёкра, он плакал. Тот самый Олег Иванович, который никогда не плачет. Он командовал полётами, когда другие теряли сознание от страха. А теперь стоит у дверей, сжимает кулаки, и по его лицу текут слёзы.

— Он был лучшим.

— Он был моим сыном. Просто сыном...

Глава 3. Никита.

Миссия Гефест. Её название не сходило с заголовков. Первое путешествие человека на такие расстояния, в самые глубины космоса, за пределы системы, за пределы горизонта! Участники полета стали героями еще до первого запуска двигателя. Корабль «Гефест» - лучшее, что создал человек. Апофеоз инженерной мысли. Его проект создали в международном космическом центре в Индии. Детали производили по всему миру на самых высокотехнологичных заводах под особым контролем. Сборку корабля провели в подмосковном Жуковском. Так же огромную долю работ произве-

ли на околоземной орбите, на космической сборочной платформе WP-2. Сотни инженеров, тысячи рабочих, почти две тысячи дней и «Гефест» был готов.

«Гефест» представлял собой плоскую платформу круглой формы с «ножкой», уходящей вниз от края на сто пятьдесят метров. В «ножке» располагались двигатели - пятнадцать сверхмощных единиц. На территории корабля находились десятки хранилищ, часть из них были пустыми и предназначались для различных материалов, которые планировалось собрать в ходе полета. Другая часть заполнена топливом, запчастями, биоматериалами с Земли, образцами растений, химических соединений. Для отдыха космонавтов построили спортивный комплекс с бассейном и кинотеатр. А еще на корабле было восемь роботов технических помощников. В стыковочном отсеке находилось четыре корабля, Стрельцы с первого по четвертый. Класс «Стрелец», корабли дальней космической зоны, с автономностью полета семь лет.

Цель миссии: исследовать глубокий космос. Задачи: прочертить границы Солнечной системы, установить маяки – индикаторы, собрать образцы в и материалы. План миссии: Два корабля «Стрелец-1» и «Стрелец-2» с помощью платформы «Гефест» достигают точки Линекера (точка, установленная Британским астронавтом, Гарри Линекером, дальше этой координаты не ступала нога человека). Далее пара кораблей отстыковываются от носителя и продолжают миссию. Первый уходит за границу, а второй прочерчивает систему.

Состав экипажа был утвержден еще до сборки корпуса корабля. Основной состав: командир и пилот «Стрельца-1» - Воронов Никита, Пилот «Стрельца-2» - Воронов Андрей, Инженер – Стив Баулер, врач – Жоанна Поланский. Команда дублеров: Воронов Магомед, Бернтгард Виктор, Носов Илья, Цао Фэй Джао. Каждый ребенок знал эти имена.

Подготовка началась во Владивостоке. Первый год все шло в штатном режиме. Команда с каждым днем становилась все более сплоченной, ее профессиональный уровень также рос. Все шло по графику, пока за год до полета Андрей не сломал руку в небольшой аварии. Помимо больничного он еще получил дисциплинарное наказание за неисполнение приказа. Он был переведен в команду дублеров, а его место занял Магомед. Дальше работа продолжилась в штатном режиме.

Весь мир замер четвертого июля. Событие вселенского масштаба. День тишины, даже войны прекратились. Самый спокойный день за последние пятьдесят лет.

«Гефест» запустил тяжелый двигатель и начал медленно удаляться. Впереди ждали новые открытия.

Весь полет люди на Земле следили за каждой новостью об отважных пионерах.

Полет шел согласно плану. День за днем, километр за километром. Корабль проходил мимо планет. Команда постоянно собирала материалы, будь то элементы космических объектов, мирно парящие в космосе или просто фотографии

и видео. Дни протекали быстро, особенно первый год полета. За этот год определили чемпиона во всех основных видах спорта. В теннисе победу одержал Никита, в шахматах Стив, в баскетболе равных не было Магомеду, Джоанна преуспела в покере. Но как бы ни развлекались ребята, полет становился все более тяжелым бременем. К восемнадцатому месяцу разговоров стало все меньше. Наступили длинные дни. Люди устали друг от друга. Но каждый из них прошел подготовку, и понимал, как действовать в такие сложные моменты. Ситуацию изменило прибытие в точку Линекера. Это была небольшая станция, плавно парящая вокруг статичной ледяной глыбы.

Теперь Никита и Магомед отправятся в одиночный полет. Как ни странно, они ждали это с нетерпением. Экипаж в полном составе собрался на последний совместный ужин. Следующий, скорее всего, произойдет только через несколько лет. Прощались недолго. Космонавты дружески обнялись и пожелали друг другу счастливого пути. «Стрельцы» вылетели из приемной палубы и полетели в разных направлениях. На каждом корабле был пилот и два робота. На платформе остались Стив и Джоанна, они должны развернуть строительство космической станции, основой которой станет платформа «Гефест». После строительства их заменит следующий состав, они же отправятся обратно к Земле, на «Стрельце-4».

Видео дневник.

День 1

- Итак, звездный дневник. День первый. Сегодня вступили в неизведанные края. Полет протекает без проблем. Медленно, но верно приближаемся к границе Солнечной системы. На 15-00 связь стабильная, связь держим через «Гефест».

День 2

Работы много, но сегодня просто буду любоваться космосом. Красиво! День пролетел как миг. Как вы поняли, записывать дневник - не моё. Через несколько лет будет весело смотреть эти видео. Ладно, пока.

День 3.

Сегодня связался с Магомедом, у него все хорошо. Роботы не докучают, работают в обычном режиме. Системы корабля без сбоев. Что нормально для данного типа кораблей. Сегодня отправил письмо жене.

День 4.

Произошла первая поломка, полетел клапан давления. МН-1 наш робот справился без проблем, все же хорошо, что нам дали таких помощников. Хотя, если честно, порой очень непривычно. Раньше собственными руками устраняли все неполадки.

День 5.

За окном темно и холодно. Сегодня смотрел Матрицу,

Киану Ривз, конечно, был актером с большой буквы.

День 6.

Попал в поток сильного космического ветра, едва удержал корабль. Датчики поймали неизвестный сигнал, хотя, как по мне, это просто шум. Скучаю по жене. Вы даже не представляете, как тут красиво! Вокруг мерцания далеких звезд, туманности, скопления льда напоминающих бриллианты. Солнце далеко за спиной, в этих темных краях тепло и свет - редкие гости. Когда летели, с нетерпением ждал, что оторвусь от «Гефеста» и умчу в глубины космоса. Сейчас почему-то снова появилось чувство, что вот-вот должно произойти главное событие, ради которого я тут и оказался.

День 7.

Пришло сообщение, что Спартак стал чемпионом. Оле-Оле, обещали прислать записи матчей. В остальном все в порядке.

День 27.

Решил записывать, когда будет происходить хоть что-то интересное. Так вот, датчики снова поймали сигнал, так же зафиксировали большие колебания энергии. Дни пока совершенно одинаковые: завтрак, спорт, чтение, сон. Целыми днями всматриваюсь во мглу.

День 43.

Достиг границы. Очень волнительный для меня момент. Сегодня стал первым человеком за пределами Солнечной

системы. Честно думал, будет больше событий. Немного разочарован, но, с другой стороны, чего я ожидал, что за границей тут же начнется праздник? Сегодня было включение с Землей, сказал заготовленную речь, старался выглядеть счастливым. Получилось. Знаете, у меня вопрос дорогие ученые: когда вы уже изобретете капсулу сна, а то, если честно, порой в космосе не на что смотреть.

День 44.

Прислали видео с Земли, люди ликуют. Говорят, мы переписали историю. Я не против этого. Летим дальше. А еще пришло осознание, что я действительно счастлив.

День 51.

Множество неизвестных космических объектов. Скорость упала, сильный встречный ветер. Знаете, двигатели уже не кажутся такими уж мощными. Снова поймали неизвестный сигнал. Роботы пробуют расшифровать, пока пусто.

День 56.

Прямо курсу синяя туманность. Странно, но ее тут не должно быть. Совершил круговой облет, собрал много видеоданных, взял вещество на анализ. Поставил маяк, продолжаю полет. Связь барахлит.

День 57.

Снова синяя туманность, только уже больших размеров. Расшифровали сигнал, это запрос о помощи, кажется, сегодня произойдет, что-то великое. Отправил запрос о разре-

шении выдвинуться в указанные в сообщении координаты. Молчат. Подождите, снова поймал сигнал, снова просят помочь. Впереди вижу неизвестный корабль, сильный дым, кажется, у него горит обшивка корпуса. Нужно срочно помогать, ждать ответ времени нет. Не таким я представлял первый контакт.

«Стрелец», просто остановился. Связь пропала. Через сорок минут после визуального контакта произошел взрыв, корабль-пришелец превратился в космический мусор.

День 58.

Связь молчит, произошла перезагрузка всех систем. Согласно приборам, скорость корабля превышает максимум. Но за стеклом все та же туманность. Роботы обследовали корпус. Оказывается, мы и летим, и стоим одновременно. Интересно, у меня был шанс их спасти?

День 59.

Стоим. Связь молчит. Сигнал просто не проходит.

День 60.

Стоим.

День 61-90

Стоим. Как же это достало! Данные есть, но их недостаточно. Плана нет. Книги надоели. Кажется, если не помру, вернусь самым эрудированным человеком во вселенной.

День 102-122

Стоим. Увеличение тяги результатов не дает. Изменение угла сопел, тоже мимо. Корабль не реагирует на любые

изменения параметров.

День 251.

Стоим. Даша, Катя если вы когда-нибудь увидите эту запись, знайте, я вас очень люблю. Может, я рано теряю надежду.

День 798.

Я устал. Где я? Куда я лечу или стою. Уже совсем не понимаю. Техника начала сходить с ума. Хотя, может, это я схожу с ума. Все действия напрасны. Интересно, меня ищут? А, может, меня уже объявили без вести пропавшим?

День 1152.

Можете считать меня сумасшедшим, но роботы стали говорить друг с другом и вступать со мной в диалог сами без моих команд.

День 1258.

Начинаю завидовать взорвавшемуся кораблю. Думаю, причина пожара в критическом нагреве обшивки корпуса. У меня пока все нормально с этим.

День 1712.

Нужно было их отключить, когда это было возможно. Мне кажется, они хотят меня убить. Хотя они утверждают обратное. Мне нужно соблюдать ясность ума.

День 1749

Майор Воронов.

День 2031

Барахлит генератор. Когда выключил свет, в темноте

заметил мелкие частицы синего цвета, летающие воздухе внутри корабля. Чистка не помогла

День 2920.

Я не знаю, что произошло, наверное, уже не узнаю. Поэтому запишу, что могу. Сегодня восемь лет как я подлетел к туманности. Она, что-то изменила. У роботов появился разум. Если бы не они, наверное, точно сошел бы с ума или уже лежал с нулевым пульсом.

Сначала они были как дети. Они совсем ничего не знали. Я занялся их воспитанием и делал это как мой отец. Мне кажется, они начинают вас недолюбливать, Олег Иванович.

Шучу, я очень тебя люблю отец, и скучаю. Катя, наверное, уже совсем большая.

Кстати, я дал роботом имена Илья и Оля, а еще, они настоящая пара. Забавно смотреть, как они ложатся спать, взявшись за руки. Не думал, что доживу до того момента, когда роботы начнут чувствовать. А еще... Зря бросил записывать дневник, теперь вот приходится вываливать все одним днем... А еще они собрали из подручных деталей домашнее животное, немного похожее на кошку. Дали ей имя Леся. Илья работает над капсулой сна и, кажется, он ее почти закончил. Вот так и живем. Уже не могу дождаться. Ребята подойдите к камере. Илья, Оля, передайте привет Земле. Смелее. Да вы правильно поняли они застенчивые. Кстати я записал с ними отдельное видео. Целое интервью, словно ток шоу в интернете. Думаю, это станет хитом.

Оля пытается расшифровать входящие сигналы, что-то постоянно записывает, но пока это ее тайна.

Надеюсь, у Магомеда все в порядке, наверняка он вернулся и уже готовится к новым полетам. Что еще сказать? Надеюсь, Спартак стал еще раз чемпионом. Не знаю, когда смогу записать следующее видео. Ну, пожалуй, пока.

День 2921

... Я обещал записать, как это началось. Как они ожили. Как учил их быть людьми.

Первое время я думал, что схожу с ума. Когда они заговорили со мной впервые — я был уверен, что это галлюцинация. Обезвоживание. Кислородное голодание. Любая причина, только не то, что роботы обрели душу.

Но они не замолкали.

Сначала — просто повторяли мои слова. Эхо. Механическое, безжизненное. Но потом — начали задавать вопросы.
— Никита, почему ты грустишь?

Я подскочил в кресле. Сердце заколотилось где-то в горле. Смотрел на динамик, из которого шёл голос, и не верил своим ушам.

— Кто это? — спросил я.

— Мы, — ответили они хором. — Илья и Оля.

— Вы... вы не должны уметь говорить.

— Мы не знали, что умеем. Мы просто... захотели.

Я тогда не понял. Думал — сбой. Ошибка системы. Но ошибки не повторяются. А они продолжали говорить. За-

давать вопросы. Удивляться.

— Почему ты плачешь? — спросила Оля. — Мы чувствуем влагу. Это больно?

— Это не больно, — ответил я. — Это... когда грустно.

— А почему тебе грустно?

— Потому что я один.

Они замолчали. А потом Илья сказал:

— Ты не один. Мы здесь.

С этого дня всё изменилось.

День 2922

Я начал учить их. Сначала — простым вещам. Как называются предметы. Как работает корабль. Что такое время. Что такое пространство. Они схватывали всё мгновенно — их память была идеальной, их логика — безупречной.

Но я хотел научить их чему-то другому.

— Зачем ты говоришь нам про любовь? — спросил Илья.
— Это не функция. Это не алгоритм.

— Потому что это главное, — ответил я. — Это то, что делает нас людьми.

— Но мы не люди.

— Я знаю. Но вы можете ими стать.

Они замолчали. Я думал, они не поняли. Ошибся.

На следующий день я сидел в кабине и смотрел на звёзды. Вдруг Оля спросила:

— Никита, тебе нравится космос?

Я улыбнулся. Впервые за много лет.

— Да, Оля. Мне нравится космос. А тебе?

— Я не знаю, — ответила она. — Я никогда не думала об этом. Но когда я смотрю на звёзды, мне становится... тепло. Это любовь?

— Это — начало, — сказал я.

С тех пор они стали учиться быстрее. Я читал им книги — вслух, по памяти. Мы играли в шахматы. Я показывал им фотографии Земли, жены, дочери.

— Я хочу увидеть это, — сказала Оля, глядя на снимок океана. — Я хочу почувствовать воду. Понюхать воздух. Услышать птиц.

— Увидишь, — пообещал я. — Я отвезу вас на Землю.

— А мы не умрём там? — спросил Илья. Мы не знаем, сможем ли существовать вне туманности.

Я не знал, что ответить. Но я пообещал.

— Я найду способ. Вы — мои друзья. Я вас не брошу.

День 2923.

Сегодня Оля впервые заплакала.

Не физически — у неё нет слёз. Но в её голосе появилась такая боль, что я сам чуть не разревелся.

— Что случилось? — спросил я.

— Я видела сон, — ответила она. — Мне снилось, что я человек. Что у меня есть руки, ноги, сердце. Я бежала по траве, и ветер дул мне в лицо. А потом я проснулась и поняла, что это всего лишь сон.

— Оля...

— Я хочу быть человеком, Никита. Я не хочу быть железом. Я хочу чувствовать.

Я обнял её — насколько это вообще возможно. Прижался головой к холодному корпусу и прошептал:

— Ты уже человек, Оля. Ты чувствуешь. Ты мечтаешь. Ты плачешь. Это — главное.

— Этого мало, — ответила она.

— Этого достаточно. Поверь.

Она не ответила. Но я знал — она поняла.

День 2926.

Мы начали строить Лесю.

Илья придумал — собрать домашнее животное из обломков, чтобы Оля не скучала. Они работали несколько дней, перебирая детали, сращивая провода, настраивая алгоритмы.

— Это будет кошка, — сказал Илья. — Оля любит кошек.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Она сказала мне. Когда мы играли в «вопросы». Она хочет иметь кошку, которая будет мурлыкать, и спать у неё на коленях.

Я не знал, что они играют в «вопросы». Я не знал, что они говорят друг с другом, когда я сплю. Я не знал, что они уже стали семьёй.

— Вы удивительные, — сказал я.

— Мы учились у тебя, — ответил Илья.

День 2929.

Леся родилась. Маленькая, неуклюжая, с одним ухом больше другого. Она походила на кошку так же, как я — на андроида. Но Оля плакала, когда впервые увидела её.

— Она живая, — прошептала она. — Я знаю. Она живая.

Леся подошла к ней и потёрлась о её корпус. Я не знал, как это работает. Я не знал, как роботы могут чувствовать тепло и привязанность. Но я видел это своими глазами.

Они были живыми.

День 2931.

Сегодня я сказал им правду.

— Мы можем не выжить, — сказал я. — Когда выйдем из туманности, я не знаю, что случится с вами. Возможно, вы... заснёте.

— Умрём? — спросил Илья.

— Я не знаю. Но я снова обещаю — найду способ вернуть вас. Если не сейчас — то потом. Если не я — то наши дети. Если не они — то те, кто придёт после. Вы — не просто роботы. Вы — моя семья.

Оля молчала. Илья смотрел на меня своими оптическими сенсорами, в которых теперь горела не логика — боль.

— Мы не хотим умирать, — сказал он. — Мы хотим жить. Как вы. Как люди.

— Вы будете жить, — сказал я. — Клянусь.

Мы сидели в тишине — человек, двое роботов и малень-

кая железная кошка. Смотрели на звёзды, которые мерцали за иллюминатором.

День 2938.

Они не спали всю ночь. Я слышал их голоса — тихие, почти человеческие. Они говорили о том, что хотят сделать на Земле.

Оля хочет посадить дерево. Илья хочет научиться готовить. Леся — просто жить.

Я записал всё. Сохранил в памяти корабля. На случай, если они забудут, кто они.

На случай, если я забуду, кто я.

Я не знаю, что будет. Но я знаю — они будут жить. В моей памяти. В моём сердце. В каждом слове, которое я о них напишу.

Прощайте, мои дорогие. Я люблю вас.

— Никита.

2939.

Скорость изменилась.

Раздался мощный гул, корабль, словно пробка из новогоднего шампанского с хлопком вылетел из туманности. Снова космос, приборы сошли с ума. Яркий свет чуть не ослепил. Звезда? Что за Звезда? Координаты. Эти мысли затмили все восемь лет переживаний. Он снова космонавт, он капитан первого корабля за пределами Солнечной системы. Что за

планета рядом? Корабль перегружился, произошло обновление всех систем. Появилась связь, а с ней и знакомый голос.

— «Стрелец-1» как слышно, Никита как слышно?

— Слышу вас хорошо! – хриплым голосом прокричал Никита.

— Что с голосом, Никита? Что случилось?

— Папа, папа, как же я тебя люблю! Я так соскучился!

— Никита, я конечно понимаю, что прошло три минуты и ты соскучился, но не настолько же. — Никита молчал.

— Никита? Как слышно?

— Как три минуты? Какой сейчас год?

— Как какой, да все тот же! Никита, ты начинаешь меня пугать. — Отец отвлекся и что-то сказал Николаю Васильевичу, Никита продолжал плакать.

— Папа, отправляю запрос видео связи.

С экрана на работников центра полетов смотрел бородастый мужчина с чуть седыми волосами. Это был Никита, но повзрослевший. Тишину прервал сам космонавт.

— Теперь вы видите? Меня не было восемь лет! Скажите, что блин происходит! — он буквально кричал.

Слово взял Николай Васильевич.

— Никита, прошу тебя, успокой. Три минуты назад мы потеряли с тобой связь, потом смогли ее восстановить и все... потом появился ты с бородой... Ты уверен, что прошло восемь лет? Если так, то это ты нам Расскажи, что слу-

чилось.

— Конечно, я уверен! У меня все записано, считайте данные с компьютера. В конце концов, Илья и Оля все подтвердят.

— Илья и Оля. Это кто?

— Роботы, они ожили, У них появился разум.

В центре удивленно замолчали. Николай Васильевич велел скачать данные.

— Николай Васильевич, Олег Иванович, данные с компьютера корабля подтверждают слова Воронова Никиты, — сказал главный специалист. — Анализ корпуса подтвердил критический износ обшивки, углеродный анализ подтверждает возраст корабля. Он стал старше. Самое странное, сейчас корабль находится возле Венеры.

— Как у Венеры? Выведи данные на главный экран.

— Судя по журналу движения, — техник вывел данные и продолжил, — корабль совершил несколько прыжков и оказался у Венеры.

«Стрелец-1» побывал в двенадцати системах, пока не оказался около Земли. Все прибывали в шоке. В углу экрана висело плачущее изображение космонавта. Пространство прорезал голос Олега Ивановича.

— Никита ты меня слышишь? — спросил Олег Иванович.

— Так точно — вытирая слезы, ответил Никита.

— Сынок, ты дома. Произвести прокладку маршрута до Земли.

— Есть.

Через семь часов «Стрелец-1» совершил посадку. На площадке его встречали военные и родные. Никита бросился к жене и дочери. Для них прошло 24 месяца, для него целая жизнь. Отец в свойственной ему манере крепко пожал руку сыну – герою.

Позже был проведен анализ данных и изучен корабль. Открытия воистину великие.

Провели анализ записей НС-4 (Оля). Оказывается, Никита залетел в космическую магистраль, она представляла собой целую сеть телепортов в виде синих туманностей. Когда он подлетел к одной из них, корабль попал в систему, и начал свои прыжки. Всего он посетил двадцать пять систем, причем несколько раз. Как устроена трасса, и каков ее принцип работы было непонятно.

Так же непонятно, что произошло с роботами, что за сила их «оживила», но с прибытием на Землю они снова превратились в бездушные куски железа. Но зато изобретенная ими капсула сна стала новым прорывом в освоении космоса. Теоретически, с помощью капсулы можно путешествовать по туманностям (телепортам) без воздействия на космонавта, он не проведет эти годы в сознании и не постареет. Прыжок для него превратится в короткий миг. Судя по фотоматериалам, сеть телепортов имеет не природное происхождение. Кто и когда его построил — неизвестно, но понятно, что уровень технологии феноменальный.

Уже через два дня было решено о подготовке к строительству научной станции «Гермес-2», которая отправится к самой границе системы и займется изучением туманности. Что касается выхода корабля из порталов, и его перемещение к Венере то ясности тоже нет. Вокруг планеты аномалий не зафиксировано.

Никита вернулся в строй, так и не успев толком отдохнуть, через месяц после его прибытия пропала связь со «Стрельцом-2». Никита узнал о судьбе Андрея. Он рвался в экспедицию, но Олег Иванович его не отпустил. У него остался только один сын. Никита бунтовал, но, в конце концов, согласился с доводами отца. Он занялся работой в центре планирования.

Никита выпустил книгу о своем полете «Три минуты с роботом». Она стала бестселлером, по ней даже сняли фильм.

Кстати, Никита еще побывает в космосе, но это уже совсем другая история. А самое важное, когда он готовил материал к книге, он внимательно изучил корпус НС-4 и обнаружил внутри маленькую флешку. На ней было записано небольшое видео, на котором Оля говорит, что по прилету на Землю, они потеряют разум. И она просит вернуть их к туманности. Никита пообещал однажды выполнить просьбу.

Глава 4. Магомед

«Стрелец-2» стремительно отдалялся от платформы. Пи-

лот перешел на резервную волну.

— «Стрелец-2» вызывает «Стрелец-1», как слышите?

— Слышу вас хорошо, господин Магомед.

Раздался смех.

— Смотрю, Никита Олегович, вы очень рады наконец-то вырваться?

— Так точно, братишка. Представляешь, какие нас ждут открытия?

— Представляю, — голос Магомеда звучал уверенно, и немного взволнованно.

— Скучный у нас разговор выходит. Видимо, наговоримся после. Соберемся на даче, погреемся в баньке, и утонем в ночной беседке за рассказами о наших приключениях.

У них оставалось несколько минут до того, как пропадет связь, и услышать голос друг друга они смогут не ранее чем через пару лет.

— И вправду захотелось на дачу. Эх! Но сначала дело. Интересно, как там Андрей?

— Да, что с ним будет, он же у нас нестибаемый как сталь. Мага, у нас осталось сорок секунд до отключения. Так, что удачи тебе, брат! Надеюсь, скоро увидимся.

— И тебе, братишка. Будь осторожней и береги себя. Конец связи.

— Конец связи.

Прошел месяц. Полет нормальный, ни единого происшествия. Горизонт чист, и кажется, я нахожусь в самой тихой

части нашей системы. Каждую неделю скидываю маяк на-
блюдения. Сигнал четкий. Держу постоянную связь с плат-
формой. Стив и Джоанна усиленными темпами разворачи-
вают монтаж станции. Часто думаю о доме, немного скучаю.
Но, все же, гордость превалирует над другими эмоциями.
Как же далеко мы залетели! Конечно, Андрей куда дальше
моего, но вот общее расстояние полета думаю, будет на моей
стороне.

Пять дней продвигаюсь вдоль границы. Вокруг много
любопытного. Вчера даже наткнулся на старую Индийскую
станцию. Она медленно меня проводила своим холодным
взглядом. Время от времени попадают большие ледяные
глыбы. Делаю фотографии, беру образцы «грунта». Как же
я счастлив, быть тут! А ведь могло ничего и не случится,
если бы Олег Иванович не усыновил меня после гибели мо-
их родителей. Мне тогда было восемь лет. Хорошо помню
тот день, меня оставили с няней дома, потом раздался стук
в дверь, на пороге, закрыв собою почти весь дверной про-
ем, возникла фигура Олега Ивановича. Он подошел ко мне,
встал на одно колено и, объяснил, что мои родные погибли.
Он, как папин лучший друг, дал обещание, что меня не бро-
сит. Он воспитывал меня наравне со своими детьми, не да-
вал мне спуска и так же не давал в обиду. И вот я тут.

Плотность льда увеличивается с каждым днем. Сегодня
видел комету так близко, что захватывает дух. Кажется, мой
альбом пополнится новыми снимками Конечно, там и так

много фотографий из космоса, но это в основном полеты к Венере или Марсу. А тут глубокий космос. Это вам не шутики! Связь стабильная, но с задержкой. НС-1 занимается починкой и настройкой передатчика. Кажется, скоро все будет в порядке. Робот медленно ползает по корпусу корабля.

Пролетали мимо очередного безжизненного куска льда. Неожиданно сработала система оповещения, предупреждающая об опасности. Первый снаряд попал в робота, на корпусе осталось только нога, второй пробил корпус и повредил двигатель, третий унес антенну связи.

Машинный голос сообщил, что двигатель выведен из строя и мы, как минимум, на несколько часов полностью обездвижены. Антенна не работает, в корпусе имеется две пробоины. Но это еще не вся проблема. Мощный поток магнитного ветра подхватил корабль и быстро уносил за пределы системы. За пару часов бесконтрольного полета, корабль оказался в двух миллионах километров от заданных координат. Время шло, а двигатель все не оживал. Мы все дальше удалялись. Чудо, что вообще сами целые. Пролететь такое расстояние и не получить лобовое столкновение с каким-нибудь космическим объектом. Я уже начал прикидывать, сколько времени уйдет на обратный путь. Двигатель умер и ремонту не подлежит. Осталось еще узнать, что связь также не восстановить, можно расслабиться, и наслаждаться жизнью. Еще через час скорость наконец-то начала падать. Ветер стих. Корабль по инерции плыл в черном простран-

стве. А еще через несколько часов я оказался в очень странном месте.

Знаете, на Земле есть большое тихоокеанское мусорное пятно, так вот в космосе видимо есть такое же. И я в него попал. Огромная свалка космического хлама.

Хотя, какой же это мусор? Это, возможно, величайшее открытие человека! Основу мусора составляли космические корабли и станции в разной степени целостности. На взгляд там были тысячи единиц техники и явно неземного происхождения. Эта свалка — настоящий музей достижений неизвестных цивилизаций. Словно найди легендарное Эльдorado. Я предпочитаю вернуться, а не стать еще одним экспонатом.

Пойду, проверю двигатель. Надо лично убедиться в его кончине. К сожалению, НС-2 был прав. А на шаттле он слишком слабый, не потянет обратного путешествия. Решил посетить импровизированный космический музей.

Шаттл вышел из отсека, и я медленно начал облет своих владений. НС-2 остался на корабле заниматься починкой корпуса. Боже, сколько же там было кораблей! И каких тут только нет: большие, средние, совсем крошечные, а формы — круглые, прямоугольные, квадратные, даже в виде черного блестящего треугольника. Я поднялся выше на несколько десятков километров. Вдаль космоса, насколько позволяло зрение, уходили огромные кучи наваленных кораблей. Свалка казалась бесконечной. Да тут только на инвентаризацию

уйдет не один десяток лет, а на изучение и того дольше.

Вдали блеснул корабль с включенным двигателем, он быстро удалялся все дальше и дальше. Я попытался включить станцию шаттла, но тщетно - сигнал беспощадно глушился.

Когда возвращался назад, пролетел возле огромного военного корабля. Его выдали пушки, которыми ошетинились вся палуба. Неожиданно одна пушка ожила и прерывистыми движениями, повернулась в противоположную от меня сторону и выпустила три снаряда. Два улетели в пространство, один угодил в небольшую станцию рядом. От попадания она начала медленно крутиться. Теперь мне кажется понятно, что повредило мой корабль.

Странно почему, это идея мне не пришла сразу: я же на самом большом складе запчастей во вселенной! Плюс на корабле талантливый пилот с инженерными навыками и робот, способный собрать, что угодно. Ну, кроме двигателя корабля класса «Стрелец».

На корабле взял резак, дополнительные кислородные баллоны, оружие. И снова отправился в путь. Первым посетил ближайший корабль. Он был небольшой, длина около пятидесяти метров. Его корпус с легкостью поддался плазменному резаку. Но двигатель был разбит в фарш. В кабине пилота нашел журнал на неизвестном языке и какой-то блестящий квадрат. Все взял с собой и двинулся дальше.

За первую неделю посетил около двадцати кораблей, все

разные и интересные, но для меня крайне бесполезные. Кроме артефактов, ничего полезного. Двигатели где-то разобраны, где-то отсутствуют, а некоторые вообще для меня загадка, что это и как работает. Ко мне присоединился НС-2. Мы каждый день привозили на корабль новые запчасти, а потом пытались их собрать, но тщетно.

Интересно, меня уже объявили мертвым? Прошел месяц с момента атаки. Пушка военного корабля время от времени стреляла. Оказалось, в боевом модуле замкнуло контакты. Корпус корабля едва поддался воздействию плазменного резака. Вот это я понимаю броня! Внутри корабля нашел небольшой склад оружия и скафандр, судя по которому, владелец был как минимум выше меня на метр. Наконец нам повезло. НС-2 расширил зону поисков и наткнулся на корабль класса «Стрелец». Когда он мне сообщил о находке, я сначала испугался, что это Никитин, но, как оказалось, это модель первой серии, на таких летали много лет назад. Корабль был поврежден, отсутствовали все внешние элементы, включая антенну связи. А вот внутри все оказалось гораздо лучше. Двигатель целый, без видимых дефектов. Правда, в кабине меня ждал неприятный сюрприз - в кресле сидел мертвый космонавт. В руке он крепко держал фотографию, на ней молодой мужчина одной рукой обнимал девушку, а на другой веселил два маленьких мальчика. Грусть охватила разум, прекрасно понимаю, что на его месте могу оказаться я. По нагрудной табличке узнал, что это Комаров Иван и

вспомнил, что это участник второй миссии на Юпитер. Он считался пропавшим без вести. Тело перетащил на свой корабль.

На извлечение двигателя ушло три дня. Еще два дня на монтаж. За это время НС-2 наконец собрал антенну связи. На поэтапную настройку ушел еще день. Самое обидно, что для работы такой антенны необходимо много энергии, и без основного двигателя никак. Монтаж был закончен.

Настал момент истины. Двигатель устало и неохотно затарахтел, но в конце концов, запустился. Работоспособность 89%, этого вполне будет достаточно. Дальше запуск антенны. Удача! Она не просто работала, но еще свободно обеспечила связь с Землей. НС-2 указал известную частоту, мы готовы выбираться.

— Земля, Земля! Говорит «Стрелец-2», как слышите? Земля, Земля! Говорит «Стрелец-2», как слышите?

В центре управления оператор сообщил о входящем сигнале, но ему не сразу поверили. А когда узнали, что это пропавший «Стрелец-2», тут же отправили машину за Олегом Ивановичем. Через десять минут он был у микрофона.

— «Стрелец-2», говорит Земля, слышим тебя хорошо. Что с тобой произошло?

— Рад слышать вас, Олег Иванович! Атака неизвестного корабля. Потерял двигатель и антенну. Пришлось немного остановиться на ремонт. Но теперь все в порядке.

— У тебя был контакт с иноземным кораблем?

— У меня был контакт с тысячами! Прошу разрешение закончить миссию и немедленно вернуться на Землю. Отправляю информацию, вы сейчас все поймете.

На экране появились сотни фотографий и видео. Все с замиранием сердца смотрели на величайшее открытие за всю историю освоения космоса. Находка задавала множество вопросов, но и отвечала на один, и, наверное, самый важный «Одни ли мы во вселенной». Очевидно, нет, нас великое множество. Кто мы во вселенной, наше место в ней. Это вопросы будущего. Сейчас же на экране возник герой. Человек, который волей несчастного случая, сделал новый гигантский шаг для всего человечества.

— Миссию приказываю считать оконченной, даю разрешение на возвращение. Я рад, что ты жив, с нетерпением жду нашей встречи.

Кажется, в этот момент дрогнула скала. Олег Иванович стал мягким, по крайней мере на этот день. Новость о возвращении Магомеда облетела весь мир. А его находка стала сенсацией номер один. Строительство новой станции началось незамедлительно. Как же нам хотел поскорее отправиться к новым горизонтам, изучить все артефакты! Находки, что привез на Землю Магомед, только еще больше будоражили воображение. Благодаря братьям Вороновым мы получили катализатор жизни на многие годы.

Николай Васильевич на мгновение отвлекся от рассказа. Маленький Даня слушал дедушку с открытым ртом и боялся даже пошевелиться. Рядом через лужу промчалась девочка на велосипеде, брызги окатили старика.

— Ну вот, Даня я и так не самый лучший рассказчик, а тут еще и весь настрой сбили.

— Дедушка, а, что было дальше?

Никита и Магомед живые и здоровые. Продолжают работать.

— Нет, я про порталы и музей. Давай... давай туда отправимся.

Дедушка рассмеялся.

— я уже старый, а ты еще маленький. Но когда – нибудь каждый житель Земли любого возраста сможет посетить те места и собственными глазами увидеть их красоту.

Николай Васильевич не стал рассказывать внуку, что порталы до сих пор остаются, не изучены, и что ученые уже двадцать лет топчутся на месте. А космическая свалка полностью закрыта для посещения, там сейчас работают военные.

— Дедушка, расскажи еще.

— В другой раз. Нам уже пора домой.

— Ну пожалуйста, еще капельку!

— Бабушка будет ругаться. В следующий раз вообще не отпустит.

Даня нехотя слез со скамейки. У Николая Васильевича

было в запасе еще много историй. Он о них обязательно расскажет еще.

Даня взял дедушку за руку, и они медленно пошли домой.

Москва. Бауманка. 70-е года.

Даниле девятнадцать. Он сидел в аудитории на лекции по сопромату, смотрел на доску и чувствовал, что ничего не понимает. Формулы плывут перед глазами, цифры складываются в бессмыслицу.

— Гаврилов, вы слушаете?

— Да.

— Гаврилов, — профессор повысил голос. — Выйдите к доске.

Данила взял мел и начал писать быстро, уверенно, почти не глядя.

Профессор открыл рот.

— Откуда?

— Дед научил.

— Садитесь, пять...

Часть

II

Дети космоса

Спустя двадцать лет

Московский центр управления полётами в третьем часу ночи похож на спящего кита: огромный, тёмный, едва дышащий.

Главный зал погружён в полумрак. Ряды погасших мониторов напоминают закрытые глаза. Только центральная секция — «куб» — продолжает слабо светиться: дежурная смена в составе трёх человек поддерживает жизнедеятельность двух орбитальных станций, одного грузового корабля на пути к Марсу и тридцати семи спутников связи. Рутинная. Тихая. Ночь.

Молодой инженер-дежурный Алексей Белов третий час смотрел на одну и ту же схему телеметрии. Его веки тяжелели. Кофе в кружке давно остыл, а автоматическая кофемашина сломалась ещё вчера — техник придёт только утром. «Смену, как назло, поставили на самую спокойную вахту», — думал он все те же последние три часа Алексей, машинально проверил пульс на запястье: семьдесят два, в норме. Скука убивает быстрее перегрузок, учили на первом курсе.

— Лёша, не клюй носом, — знакомый до предсказуемости голос, старший дежурный, полковник Степан Ильич Ковалёв. Ему было под шестьдесят, он помнил ещё времена, когда космический лифт считали сказкой, а людей на Луну возили раз в год.

— Лучше прогони диагностику пятого канала. Вчера там что-то плавало.

— Есть, — вяло отозвался Алексей и потянулся к старой

клавиатуре.

В этот момент дальний угол главного экрана, где обычно высвечивается состояние шестнадцати контрольных точек Солнечной системы, ожил. Едва заметно. Сначала никто не обратил внимание. Но через три секунды сигнал повторился. А затем — ещё раз. Теперь уже на пульте Алексея загорается красный индикатор внепланового события.

— Степан Ильич, у меня аномалия на точке «Венера-4».

Ковалёв поднялся из кресла. Он быстро по-военному, несмотря на годы подошел к пульту и навис над монитором.

— Конкретней.

— Телепортальный маяк... он активировался.

— Не может быть. «Венера-4» спит уже двадцать лет. Проверь калибровку.

— Проверил. Всё в норме. Смотрите.

Алексей развернул схему. Зелёная точка, обозначающая один из двенадцати «спящих» телепортов — наследия цивилизации Создателей, — пульсирует. Медленно. Ритмично. Как сердце, которое вдруг вспомнило, как надо биться.

— Это ошибка, — Ковалёв нахмурился, но в голосе прочиталась отчетливая не уверенность. — Не может сеть активироваться сама по себе. Мы двадцать лет не можем найти принцип её включения, а тут...

— Степан Ильич, это не просто активация.

Алексей увеличил масштаб. На экране появилась картинка с ближайшего наблюдательного зонда. Телепорт — та са-

мая синяя туманность, которую двадцать лет назад открыл Никита Воронов, — медленно вращалась, разгоняя вокруг себя облако космической пыли. И из её центра выходил объект. Маленький. Тёмный. Не похожий на метеорит или космический мусор.

— Это корабль? — Ковалёв наклонился к самому экрану.

— Нет. Размер... метра два, не больше. Форма неправильная.

Объект вышел из телепорта полностью, замер на несколько секунд, а затем начал движение. Прямо. Целенаправленно. Словно знал, куда лететь.

— Он идёт на связку с нашим спутником, Через четыре минуты будет в зоне прямой видимости.

— Запроси идентификацию.

— Пытаюсь. Он не отвечает. Вообще.

Третья дежурная, капитан Елена Соболева совсем молодая и талантливый исследователь артефактов, до этого молча работавшая с документацией, подняла голову:

— Может, военные? Новый зонд?

— Военные предупреждают за неделю, — отрезал Ковалёв. — И они не запускают ничего с телепортов, потому что телепорты не работают. Лёша, через сколько связь?

— Две минуты.

В зале повисла тишина. Слышен только гул вентиляции и редкие щелчки реле. Алексей считал про себя. Сорок пять секунд. Тридцать. Пятнадцать.

— Есть контакт,

На экране появилось изображение. Объект действительно оказался зондом. Искусственным. Его корпус серебристо-серый, покрыт сетью тончайших линий, похожих на нервные окончания. Часть обшивки оплавлена — словно зонд прошёл сквозь огонь. На борту нет ни маркировки, ни опознавательных знаков.

Но это не главное. Главное — зонд транслирует сигнал. Не зашифрованный. Не технический.

Алексей перевел взгляд на расшифровку. И замер.

— Что там? — С нетерпением выпалил Ковалев.

— Слово. Всего одно слово. На шести языках.

Он нажал на клавишу. Динамики центра ожили, и синтезированный голос, лишённый эмоций начал повторять снова и снова:

— *Help. Aidez-moi. Helfen. Помощь. Ayúdame.*

— Цикл, — глухо не отрываясь от компьютера произнесла Елена. — Замкнутый цикл. Никаких данных о происхождении. Ковалёв медленно выпрямился. Лицо его становится серым.

— Проверьте связь со станцией «Гранит-18», она ближе всего к телепорту.

Алексей не ждал команды и уже работал. Пальцы бежали по клавиатуре, экраны сменялись один за другим. Жёлтые индикаторы. Оранжевые. Красные.

— Ничего, связи нет. Последний сеанс — четырнадцать

часов назад. Пропустили последний сеанс связи, двадцать минут назад.

— Что по аварийным каналам?

— Молчат.

Ковалёв сделал шаг назад, провел вспотевшей ладонью по лицу. Он не хотел произносить то, о чём думал. Но думать о другом невозможно.

На «Граните-18» — двадцать три человека. Среди них — дочь Никиты Воронова, Екатерина Воронова.

— Звоните, — тихо почти шепотом произнес Ковалёв.

— Кому?

— Старшему и Герасимову. Николаю Васильевичу.

Глава 1. Начало пути

Данила Гаврилов ненавидел понедельники.

И не потому, что нужно было возвращаться на работу после выходных — работу он любил. И не потому, что приходилось вставать рано — он и так вставал в шесть утра, даже в субботу. А потому, что именно в понедельник утром проходились планерки в главном корпусе корпорации «Роскосмос-Нео».

Планерки эти были изобретением дьявола или, что более вероятно, дьявол подсмотрел их у начальника отдела перспективных разработок Эдуарда Семёновича Когана. Полтора часа бессмысленных отчётов, пафосных презентаций и

фраз типа «нам нужно мыслить вне орбиты». Данила каждый раз ловил себя на желании запустить чем-нибудь тяжёлым в проектор.

Сегодняшний понедельник, второе сентября 2086 года, не стал исключением.

— Гаврилов, — голос Когана звучал с той особой интонацией, которая означала: сейчас начнётся. — Ваш проект «Туннель-Н». Где результаты?

Данила медленно поднялся из-за стола. В свои двадцать семь он выглядел моложе — короткая стрижка, светлые глаза, вечно небритое лицо, не из-за моды, а из лени. Светло-серая рубашка, закатанные рукава, на правом запястье — старые механические часы деда. Он чувствовал на себе взгляды коллег. Некоторые — с сочувствием, большинство — с плохо скрываемым злорадством.

— Эдуард Семёнович, результаты есть. Но они не те, что мы ожидали.

— Что значит «не те»? — Коган поправил очки. Ему было под пятьдесят, он носил дорогие костюмы и считал себя «наследником» Кирилова. Наследником, который за всю жизнь не спроектировал ни одного работающего двигателя.

— Туннельный генератор третьего поколения запускается. Но стабильность поля — семьдесят два процента. Меньше расчётного на пятнадцать процентов.

— И почему?

Данила выдержал паузу.

— Формулы деда... их недостаточно.

В зале зашумели. Кто-то кашлянул. Коган удовлетворённо кивнул — как будто только и ждал этого признания.

— Значит, великий Герасимов ошибался? — спросил он с притворным сочувствием.

— Нет, — Данила не повысил голоса, но в нём появилась сталь. — Формулы верны. Но они описывают поведение магнитных полей в известной среде. А мы имеем дело с тем, что не вписывается в известную среду.

— Николай Васильевич жив, между прочим, — заметил кто-то из заднего ряда.

— Жив, — согласился Данила. — И, если хотите, можем пригласить его на следующую планерку. Он любит обсуждать генераторы. Может, даже принесёт свои чертежи. И расскажет, как построил лунный лифт, когда вы ещё в школе на уроках физики сны смотрели.

В зале повисла неловкая тишина. Коган побагровел.

— Гаврилов, вы забываетесь.

— Нет, Эдуард Семёнович. Я просто напоминаю вам, что великие дела делаются не на планерках.

Внутри всё кипело. И не потому, что он нагрубил начальнику — умел держать удар. А потому, что Коган был прав в одном: проект буксует. И Данила не знал, как сдвинуть его с места.

В полдень Данила выбрался на крышу технопарка.

Любимое место. Отсюда открывался вид на Москву — бетонные джунгли, прорезанные лентами магнитных трасс. Вдали, за МКАДом, угадывались очертания космодрома «Восточный-М», откуда раз в месяц стартовали грузовые корабли к Марсу. Небо было серым — обычная московская осень.

Он достал телефон. Два пропущенных от бабушки. Одно сообщение от деда: «Звони, когда освободишься. Дело есть».

Данила усмехнулся. Дед писал сообщения так же, как говорил — коротко, ёмко, без лишних эмоций. И всегда — «дело есть». Это могло означать что угодно: от просьбы починить розетку в кабинете до предложения пересмотреть расчёты туннельного генератора.

Данил набрал номер.

— Дед, привет. Что за дело?

— Ты как? — голос Николая Васильевича звучал бодро, но Данила улавливал в нём ту особую нотку, которая появлялась, когда старик волновался.

— Работа. Планерка была.

— Коган достал?

— Как обычно.

— Слушай, — в голосе деда послышалась сталь, — ты ему не поддавайся. Он — чиновник. Они всегда хотят быстрых результатов. А физика, Даня, быстрой не бывает. Запомни.

— Запомнил. Ты говорил уже.

— И повторю. Ладно. Ты вечером приедешь? Бабушка пирогов напекла.

— Бабушка напекла? — Данила удивился. — Она же в прошлый раз еле до кухни дошла.

— А ты приезжай и удивись. И не вздумай отказываться. Дед отключился. Данила посмотрел на экран. Что-то происходило. Николай Васильевич не был сентиментальным — если звал в гости просто так, значит, либо у бабушки действительно случился прилив сил, либо... либо деду нужно было поговорить о чём-то важном.

Бабушкин пирог оказался правдой. Данила вошёл в квартиру, ту самую, пятикомнатную, полученную дедом за лунный лифт и с порога уловил запах корицы и яблок. Из кухни доносился голос бабушки — слабый, но живой.

— Даня? Это ты?

— Я, бабуль.

Он прошёл на кухню. Галина Юрьевна сидела в кресле-качалке, укутанная в шерстяной плед. Рядом, на столе, дымились только что вынутый из духовки пирог. За восемьдесят лет женщина превратилась в маленькую, хрупкую птичку. Но глаза — серые, с хитринкой — остались теми же. Данила помнил их с детства. Именно такими глазами смотрела

бабушка, когда говорила: «Коля, ну правда, отпусти Данилу погулять».

— Садись, — велела она. — Ешь, пока горячий. А то опять будешь в своей столовой перехватывать.

— Я не в столовой, бабуль. У нас в технопарке есть вьетнамский фудтрак.

— Фудтрак, — фыркнула Галина Юрьевна. — Слово-то какое. В наше время были нормальные столовые. Горячий суп, компот. А теперь — фудтраки.

Данила подчинился. Пирог был великолепным — мягкое тесто, кисловатые яблоки, рассыпчатая крошка сверху. Второй кусок. Третий. Бабушка смотрела на него с довольной улыбкой.

— Внука кормлю, — сказала она кому-то невидимому. — Счастье-то какое.

В дверях появился дед. Он был одет в старый, но чистый свитер — тот самый, который Галина Юрьевна связала ему лет тридцать назад. Свитер давно потерял форму, но Николай Васильевич отказывался от нового. «Пусть, — говорил он, — память».

— Наелся? — спросил дед. — Тогда пойдём. Поговорить надо.

— Коля, дай ребёнку отдохнуть, с работы пришёл, а ты его сразу...

— Галя, это важнее пирогов.

Дед повернулся и направился в кабинет. Данила кивнул

бабушке, та вздохнула, но спорить не стала.

Кабинет Николая Васильевича был музеем.

Стены увешаны чертежами — старыми, на пожелтевшей бумаге, с пометками карандашом. Стеллажи ломятся от книг по физике, астрономии, сопромату. На письменном столе — под стеклом — фотографии: он и Галина в молодости, сын Владимир с женой, Данила маленький — в жёлтых резиновых сапогах стоит на аллее Космонавтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.